

Экран и сцена -
1998 - дек. (- 48) -
с. 16.

Николай Коляда: "Пишу, как умею, и что хочу"

Николай Коляда приехал в Москву из Екатеринбурга всего на два дня, на премьеру своей новой комедии "Дураков по росту строят". Впрочем, в Москве за последнее время прошла целая серия премьер по его пьесам.

— Недавно состоялась премьера моей старой пьесы "Полонез Огинского" в театре имени Станиславского в режиссуре Хейфеца. Это уже третий театр в Москве, поставивший "Полонез" (сначала были Викток и Малая Бронная).

— И как вы отнеслись к этому спектаклю?
— Он мне очень понравился, и, признаться, жаль, что в прессе его почему-то поругивают. А на самом деле спектакль славный, без выпендрежа.

В начале ноября еще одна моя премьера прошла: в театре Табакова играется "Русская народная почта" Олега Богаева, лауреата премии "Антибукер". Он учился у меня в театральном институте в Екатеринбурге, где я уже пять лет веду курс драматургии, а сейчас он работает на моем следующем курсе в качестве ассистента. Радуюсь его успехам, но теперь он отрезанный помост, теперь у меня другие студенты, и у меня за них голова болит. Очень хочу, чтобы из них что-то получилось.

Мне сообщили, что богаевская "Русская народная почта" будет ставиться в берлинском Дойче Театре, это самый большой театр в Германии. И когда я узнал об этом, подумал: "Господи, какое счастье, мои пьесы там шли, а теперь и мои ученики там будут!" Так что, это и моя премьера.

— О чем же ваша новая пьеса "Дураков по росту строят"?
— Ужасно смешная вещь и грустная. Она по-прежнему о маргиналах, как их называют критики (а я говорю — о людях простых, обычных). Тех, кто живет в провинции и о которых вы, москвичи, так мало знаете. Мне кажется, что вообще Москва не очень знает, что происходит в России, несмотря на какие репортажи по НТВ. И у меня сложилось впечатление, что люди театра почему-то ополчились на мои пьесы, называя их чернухой, утверждая, что я специально грязь собираю, и так далее. Все это неправда, неправда!

Вот недели две назад я ездил в город Каменск-Уральский, где работал на силикатном заводе во время службы в армии. Я решил, что действие моей новой пьесы должно происходить где-то поблизости от этого силикатного завода, в таком же поселке за городом. И вот приехал я в этот поселок, увидел заводик, совсем захиревший, где не было ни семнадцати лет. Увидел людей, которые живут всю жизнь в отравленном силикатном воздухе, и их полуразваленные двухэтажные домики — и ведь больше совсем ничего нет вокруг, только полное запустение, водка в магазинах и какие-то затурканые дяденьки и тетеньки, везущие в колясочках своих детей. И я (Господи, прости!) подумал: зачем, для чего они их родили? И потом, когда ехал обратно, не мог смотреть на дорогу и плакал от ощущения кошмара, ужаса: мне показались, все эти люди живут просто на конце земли, да, как будто я подъехал к самому концу! Дальше — пропасть, ничего больше нет, даже жизни никакой нет, совсем ничего! И когда я напишу свою новую пьесу об этих людях, опять скажут, что я все придумал, что чернуха, что снова Коляда все нарочно нагнетает.

Нет, я не хочу утверждать, что я такой знаток бытия, но — как бы это сказать, — жизнь в России чудовищна до безобразия, и никто ее не знает. И никто не желает знать, что вообще происходит с людьми вблизи этого силикатного завода, и еще где-то там, там, там — далеко.

— А знакомы ли вы с нашей московской прессой о последних постановках по Коляде? Мне кажется, в Москве есть люди, которые любят вас и ценят.

— И вот в вашей же "Московской правде" опять написали, что "Полонез Огинского" — "чернуха", а ведь светлее этой пьесы трудно придумать. Оля, ну, сколько еще света нужно в ней? Когда актриса театра Станиславского подошла ко мне на репетиции и заявила: "В вашей пьесе есть вообще что-нибудь светлое?" — я растерялся, у меня колени задрожали и я начал объяснять ей: "А как же. Конечно. Ведь ваша героиня Людмила в конце говорит "Простите нас, простите!" Хотя делает, делает, делает гадости, а потом все

же говорит "простите". И разве вам как актрисе нечего играть за всем этим?" Актриса же требует "дайте мне светлое". А что светлое? Когда люди в костюмах королей выходят или изображают даму с камелиями? Вот это, по-моему, и есть чернуха. Вот это надо запрещать, поскольку все неправда и никаких отношения к жизни не имеет.

Конечно, говорить, что пьесы мои светлые — наверное, нагло, но я действительно пишу их с огромной любовью и состраданием к людям. Нагнетать страсти и страхи я не собираюсь никогда, но любить и сострадать... И если некие критики этого не видят — то это их проблемы, хотя меня огорчает ужасно.

— А почему свою новую пьесу "Дураков по росту строят" вы отдали именно в Театр на Перовской?

— Так сложилось "исторически". Когда я пишу пьесу, я делаю сразу 80-100 экземпляров, трачу на это очень большие деньги, и пьесы моих студентов тоже ксерокопирую, также трачу деньги, и рассылаю по театрам России. Внизу пишу: "Экземпляр обязательно вернуть автору". (Никто никогда не возвращает). Эту пьесу я тоже всюду разослал, и первый, кто позвонил мне буквально через неделю, был Кирилл Панченко: "Мы будем ставить". Я сказал: "Замечательно". Потом позвонили из "Школы современной пьесы" и тоже сказали, что хотят ставить. Я ответил: "Пожалуйста, но только знайте — право первой постановки у Театра на Перовской".

— Что еще нового вы написали?

— В этом году написал (не от хорошей жизни пишу много пьес: если не буду писать, кушать будет нечего) пьесу "Уйди-уйди". Потом Лия Ахеджакова попросила сделать для нее пьесу по гоголевским "Старосветским помещикам", что я и сделал с огромным удовольствием, и она, как я знаю, осталась довольна; скоро будет, даст Бог, премьера. И вот сейчас я написал "Драй, зибен, ас" ("Тройка, семерка, туз, или "Пиковая дама"). Дал задание своим студентам сделать инсценировки по Пушкину, и сам решил в этом участвовать.

— Что же это такое? Можно приоткрыть секрет?

— Я свободно говорю по-немецки и вообще очень люблю Германию, которая мне всегда помогает. Немецкое издательство выпускает мои пьесы, полтора года я жил там и работал артистом в гамбургском театре — словом, меня с Германией многое связывает. В "Пиковой даме" же указано, что Германи — немец, и я сделал это самым главным. Решил поставить эксперимент: соединить две речевые стихии — прекрасную, великую русскую речь и прекрасную, великую речь немецкую. Ну, и есть там, конечно, много смешного. Германн — чужой человек в чужой стране. В России он ходит в русской шапке, говорит по-немецки, никто его не понимает, он является к графиче

не и пытается объясниться с ней по-немецки, и так далее. Я прочел пьесу впервые на школьном молодом критике в екатеринбургском Доме актера. И вот когда я прочел все это вслух, выяснилось, что соединение русской и немецкой речи до безобразия красиво.

— И как же немецкий текст будет идти без перевода?

— А вот так и будет. Люди должны слышать, как две речевые стихии звучат, как соединяются. Это на самом деле красиво. Я даже сам не ожидал. Не думаю, что за это меня кто-то будет бить и говорить "это не Пушкин, не Пушкин!" А кто знает, что такое Пушкин, и почему не может быть такой драматической фантазии на тему Пушкина?

— Кстати, если вернуться к тому, о чем мы говорили выше, — вы действительно так болезненно реагируете на проявление недовольства вашими пьесами?

— Конечно! Тем более, если о спектакле по моей пьесе пишут, как, например, в Литературке: "омерзительно для слуха, оскорбительно для глаза". Ну, и как я должен чувствовать себя после этого? Решить, что ремеслу неплохо бы поучиться на Бродвее, так что ли? И после такой критики я должен ходить пузом вперед и думать: "Да наплевать на вас, говорите, что хотите"? Я же живой человек, я же пишу и каждый раз думаю о том, а надо ли это кому-то, а правильно ли там все? И когда мне говорят, что, мол, напиши лучше что-нибудь повеселее — я думаю: "Может, правда, что-нибудь повеселее написать?" А потом одергиваю сам себя: "Нет. Не буду я так писать. Потому что пишу, как умею, и то, что хочу. И вот, представьте, допустим, есть поле, белое заснеженное поле, по которому я иду, и иду именно в ту сторону и именно потому, что мне туда надо; почему надо туда, я не знаю, но знаю, что мне надо именно туда следовать. Мне говорят "не ходи, дороги нет" — а я пойду все равно, потому что мне туда надо идти.

Вообще, наверное, время рассудит (я и студентам своим так говорю), кто чего стоит. Мне бы, конечно, хотелось, чтобы хоть что-то осталось после меня. Профессия драматурга в том и состоит, чтобы сохранить навсегда всех своих близких, знакомых, родных, все их черточки, характеры и жизненные истории, запечатленными на бумаге; чтобы все они стали бессмертными, и сам ты вместе с ними. И потому я постоянно боюсь, что завтра, допустим, позвоню в авторское агентство, а мне скажут: "У вас на счете денег нет, ваши пьесы не играются". Значит — все, финиш!

— Я думаю, вам так не скажут. Как это, ваши пьесы — и вдруг не играют? Ваши пьесы только и играют. Кстати, а что еще вы поставили из своих пьес? На фестивале "Коляда plays" четыре года назад я видела в вашей постановке "Полонез Огинского", который всех пленил.

— В екатеринбургском Театре драмы я поставил пять спектаклей. И один в Германии. В этом году еду в Югославию ставить "Персидскую сирень". В Екатеринбурге же после "Полонеза" появились еще в моей режиссуре "Канотье", "Корабль дураков", "Куриная слепота" (совсем новая моя пьеса) и "Русская народная почта", которая уже год идет на сцене и выдвинута на "Золотую маску". Все эти постановки получили кучу призов и имеют успех у зрителей. Но сейчас в наш театр пришел новый главреж Владимир Гурфинкель, и меня больше ставить не зовут, а может, и не позовут никогда.

— Коля, вы сейчас вновь посетили Москву. Как она вам показалась?

— Москвичи — особая нация. Особая нация. От которой все другие отстоят очень далеко.

— Что вы, да здесь в Москве половина провинциалов. Особенно в среде театральной. Я вот тоже провинциалка, когда-то приехала сюда из Самары, и многие мои друзья провинциалы.

— Кстати, о Москве. Еще Светлана Врагова, с которой мы познакомились в прошлом году в Югославии, в жюри фестиваля "Битеф", собирается ставить у себя в "Модерне" с Татьяной Лавровой мою пьесу, которая называется "Театр".

— Ну, а как вы сами живете в своем Екатеринбурге? Какие ваши будни, бег?

— Как я живу? Самое главное мое дело — писание пьес. Этим я занимаюсь с утра до ночи. Да еще делаю раз в месяц на екатеринбургском ТВ свою авторскую программу о

людях театра. Сейчас у меня появилась дача, вернее, небольшой домик в селе Логиново в 50-ти километрах от города, там я в основном и пишу.

— Вы ездите туда на...

— "Жигулях" — восьмерке, которую я приобрел недавно.

— Так что, у вас теперь и машина, и собственная вилла?

— Да, я совсем обуржуазился. Но зато постоянно торчу на огороде сверху задницей.

— А что, большой у вас там огород?

— Знаете, сколько овощей я засалил в этом году? Триста банок! Варенье, соленья — и все вырастил сам, сам посадил, я привезу вам в следующий раз варенья малинового, которое я даже в Москву привожу и всем раздаю, потому что сам не могу все это сожрать. Есть и картошка, и все, что положено, — ведь я все лето, как собака, с утра до ночи работал на огороде. Я стал просто, как Пульхерия Ивановна из "Старосветских помещиков" (они ведь там все засаливают да едят). И только благодаря тому, что жил на даче, я и написал по "Старосветским помещикам" пьесу. Только на земле вспомнил все слова из деревенского детства: например, что такое "пасыноковать" помидоры, как "набздывать" баню (то есть брызнуть на камни для пара), и всякие такие словечки, которые я знал когда-то. Словом, у меня теперь появилась дача, где я пишу. Кайф невероятный.

— Коля, а у вас по-прежнему живут кошки? Ходят целые легенды о том, какой у вас дома кошачник.

— Сейчас у меня Чичирка, Манюрка. Еще Бабайка, еще появился Бомж, которого я подобрал недавно (он такой был грязный, покусанный собакой на улице, ну, я его и взял), потом Лариска, она родила пятерых котят, четверых я раздал, а оставшегося котика назвал Германи, поскольку писал в тот момент "Пиковую даму".

Хотите еще московских впечатлений?

Прихожу сегодня в Театр на Перовской: "Здравствуйте, я Коляда Николай". И вахтерша вдруг начинает хохотать так, что остановиться не может, и говорит: "Как я вчера смеялась на репетиции вашей пьесы, какой вы молодец!" Я про себя перекрестился и думаю: "Слава Богу, все в порядке, народ меня знает". Потому что в другой московский театр, где идет моя пьеса, приходишь и говоришь: "Здравствуйте, я драматург Николай Коляда. Ко-ля-да", — произносишь по буквам. "Что-что?" — отвечает вахтерша.

Меня иногда спрашивают, не хочу ли я перебраться из провинции в столицу. Так вот, провинция может находиться и в центре Москвы. В любом Каменск-Уральске, Шадринске или Серове люди профессиональнее, чем в некоторых театрах столицы. Вообще, когда заходишь в театр, сразу смотришь на пол, и если он, как, например, в Театре на Перовской, блестит чистотой — сразу все становится понятно, можно даже не смотреть спектакль, и я уже спокоен, что в этом театре все в порядке и с моей пьесой, и с моими мыслями, и с моими героями. Вы зайдите и посмотрите, какие туалеты здесь и какие, к примеру, в театре Станиславского, что там в туалетах творится. По тому, как в театре вымыт пол, все становится ясно, в этом отражаются и культура, и уважение к общему делу. И это не зависит от того, есть деньги в театре или нет, сделан там ремонт или не сделан. А в Театре на Перовской в этом смысле просто роскошно. Когда я приехал сюда в первый раз, у меня глаза на лоб полезли: где-то на выселках, в далеком Перове — и вдруг такой зал, такой уют, комфорт, красота, кругом прекрасные приветливые люди, все приветливо разговаривают.

Совсем не так, например, со мной разговаривал директор театра Станиславского: "Сколько вам надо? Пьеса старая, я вам платить не буду". А это меня не волнует, ты должен платить по закону, дядя, милый, старая или не старая моя пьеса, да хоть двадцать раз ее ставили, ведь я живу только за счет этого, у меня других-то доходов больше нет. И я месяц выбивал у него свои деньги, звонил, факсовал и все прочее. В конце концов он заплатил, но заплатил в пятнадцать, а может быть, в пятьдесят раз меньше того, что положено. А в театр их заходишь — на втором этаже все сдано под какую-то коммерцию. Да ну их к черту!